

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение эстетического наследия Плеханова, с одной стороны, и литературы о нем, с другой, привели нас к убеждению, что это наследие в истории марксистской эстетической мысли все еще не заняло достойного места и что главным препятствием при этом служил и служит его меньшевизм. Поэтому во имя целостности своей работы мы не можем хотя бы в тезисной форме не остановиться здесь и на вопросе соотношения плехановского меньшевизма с марксизмом, который мы намереваемся рассмотреть в аспекте методологического подхода к решению, поскольку убеждены, что без этого мы лишены надежных принципов определения исторического места и значения всей сложной теоретической и практической деятельности Г. В. Плеханова.

Мы полагаем, что в решении этой проблемы первое место должно быть отведено выяснению вопроса о принципиальной совместимости или несовместимости меньшевизма Плеханова с марксизмом как таковым, так как мы считаем, что из того, что характернейшую особенность марксизма, как такового, составляет верность, правильность, истинность его, а меньшевизма — ошибочность, ложность, антиисторичность, еще не следует, что они нигде и ни в чем не соприкасаемы. Иначе говоря, общая их несовместимость как истинного и ложного еще не дает основания полагать, что они абсолютно не совместимы, являясь антитепами в любом аспекте, ибо фактически дело обстоит намного сложнее, чем такое плоское представление.

Сложность эта становится особенно ощутимой при соотнесении плехановского меньшевизма с составными частями марксизма.

Нам представляется, что вопрос об отношении плехановского меньшевизма к марксизму в целом следует решать в ключевых диалектике абстрактного и конкретного.

Итак, марксизм, как известно, состоит из трех органически между собою связанных составных частей: марксистской философии, марксистской политической экономии и марксова научного коммунизма. Органическое единство этих составных частей состоит в том, что каждая из них и зависит от других, и, со своей стороны, оказывает на них активное воздействие, во многом определяя их существо. Но эти составные части марксизма не только взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, но в рамках этой их общности они сохраняют и свою более или

менее полную внутреннюю целостность и самостоятельность, что и создает реальные возможности и предпосылки для различного отношения к ним меньшевизма в целом, и плехановского — в частности.

У меньшевизма отношение к отмеченным составным частям марксизма различно потому, что меньшевизм оригинален и самостоятелен только в некоторых частных вопросах. Так, мы не можем, например, говорить о *самостоятельной* общеполитической концепции, философской системе меньшевизма, или об особой меньшевистской политической экономии. Поэтому ясно, что их отношение к марксизму в этих сферах будет иным, чем их отношение к нему (марксизму) в вопросах социально-политического порядка, где меньшевизм действительно выдвинул свою систему взглядов. Об этом может свидетельствовать хотя бы тот факт, что по вопросам философии и политической экономии большевики и меньшевики могли выступать с одних и тех же позиций. Так, например, по вопросу о совместимости философии марксизма с философией махизма большевики Богданов, Базаров, Луначарский вместе с меньшевиками Валентиновым, Юшкевичем и др. выступали за их совместимость, а против таким же единым фронтом выступали и большевик Ленин, и меньшевик Плеханов, отстаивая чистоту философии марксизма от попыток внесения в нее элементов махизма.

О том же, что по вопросам социально-политического преобразования общественной жизни вообще, и в России в частности, меньшевизм действительно выдвинул самостоятельную систему взглядов и схему действия, говорит вся их теоретическая и практическая деятельность против большевиков и большевизма, хотя надо подчеркнуть, что и тут вся их оригинальность нередко сводилась по существу к догматизму и чужеродности, выражавшемуся в прямом перенесении некоторых положений Маркса и Энгельса на новые, в корне изменившиеся, условия.

Что касается Плеханова, то он, как мы попытались показать выше, хотя и расходился существенно в этой сфере по многим вопросам с другими меньшевиками, *тем не менее все же* примыкал к ним, и потому для оценки его исторической деятельности весьма важно определить то, в какой мере эта его деятельность и здесь совмещалась с марксизмом, как таковым. Теоретическая задача революционной партии в эпоху Плеханова сводилась к выработке научно обоснованной теории для революционной практики преобразования общественной жизни на началах социализма и коммунизма. Поэтому ясно, что суть того или иного отношения к марксизму будет определяться его совместимостью с марксистским подходом именно к выработанной им стратегии и тактике революционной борьбы. Лично же Плеханова характеризует в этом отношении то, что со времени его становления как марксиста, он до конца своей жизни остался верен тем идеям о совершении социалистической революции, которые были выработаны Марксом и Энгельсом. Он искренне

верил в возможность и необходимость революционного преобразования общественной жизни на началах социализма и коммунизма, сознавал, что все это должно быть и будет делом рук революционно-преобразующей деятельности пролетарских масс, которые единственно и в состоянии возглавить эту революционную борьбу трудящихся масс, организовать и повести их за собою на коренные преобразования общественной жизни.

Но если Плеханов остался верным в этом отношении марксизму, а точнее, выработанным Марксом и Энгельсом общим установкам революционного преобразования общественной жизни, то он, как известно, почти по всем этим же вопросам принципиально расходился с Лениным, с выработанными им на основе анализа новых закономерностей развития самой общественной жизни принципами преобразования общественного строя вообще, и в России в частности. Но поскольку сегодня каждому ясно, что нет марксизма без ленинизма, то как расценить плехановскую верность Марксу и Энгельсу?

Мы находим этому единственно возможное объяснение. Плеханов, хотя формально ни в чем и не расходился по этим вопросам с Марксом и Энгельсом, его ошибки происходили в данном случае как раз из этой чрезмерной его «верности», ибо подобной верностью именно букве марксизма Плеханов тем самым превратил марксистскую науку из творчески развивающейся в свод неизменных догм. Но по отношению к плехановскому меньшевизму это только одна сторона дела. Вторую его сторону составляет то, что хотя позиция, занимаемая Плехановым по вопросам пролетарской революции в России, коренным образом и расходится с ленинской, тем не менее в *общетеоретическом плане*, касающемся перестройки общественной жизни вообще, позиция не абсолютно несовместима не только с марксизмом, но даже и с ленинизмом как таковым.

Дело в том, что тем центральным пунктом, которым были определены все расхождения между Лениным и Плехановым, послужил вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Плеханов полагал, что Маркс и Энгельс не допускали возможности непосредственного, прямого перерастания первой во вторую без соответствующего перерыва между ними. И в этом своем утверждении он ссылался прежде всего на известное «Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов» Маркса и Энгельса и письмо Энгельса к Турати от 26 января 1894 г., в которых действительно можно усмотреть такую идею, хотя бы в том, что они там отмечали необходимость сохранения самостоятельной организации рабочих на мелкобуржуазном этапе грядущей радикальной революции: «Наряду с новыми официальными правительствами они (рабочие. — Р. К.) должны сейчас же учредить собственные, революционные рабочие правительства, будь то в форме органов местного самоуправления, муниципальных советов, будь то через рабочие клубы или рабочие комитеты, так, чтобы буржуазно-

демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидели бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих»¹.

Ленин же с самого начала назревания революционной ситуации в России настраивал и ориентировал партию и массы на возможное прямое перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Но все дело в том, что ни каждое из этих положений в отдельности, ни все они вместе взятые не исчерпывают всех возможных решений этого вопроса марксизмом в зависимости от конкретно-исторической ситуации, потому что эти положения выражают не общую теорию марксизма, а лишь конкретное применение его к двум совершенно различным конкретным историческим явлениям: в первом случае — к германской действительности, для которой была характерна незрелость самостоятельного пролетарского движения; во втором — к русской действительности, где ввиду сложившихся особых условий русский пролетариат был полон решимости совершить социальный переворот вместе с крестьянством.

Эти частные положения не выражают существа марксизма по данному вопросу именно во всем его объеме потому, что марксизм никогда не ограничивает себя какой бы то ни было одной, обязательной для всех эпох, времен и ситуаций схемой. Он, напротив, учит, что если закономерности общественного развития на данном этапе и привели к возможности и необходимости замены капиталистической системы хозяйства социалистической, которую в состоянии совершить сами трудящиеся массы во главе с пролетариатом и при пролетарской диктатуре, то конкретные формы этого перехода в том или другом частном случае будут зависеть от соответствующих специфических условий места и времени. Поэтому задача пролетарских партий всех стран в том и заключается, чтобы они обстоятельно изучали особенности своей страны, все формы и приемы революционной борьбы пролетариата и применили бы в том или ином случае именно те, которые в состоянии обеспечить наиболее безболезненный, бескровный, скорейший переход.

Плеханову, как выдающемуся мыслителю-марксисту, эти общеметодологические идеи не были чужды. Мы находим у него и прямые указания на то, что школа капитализма для России не будет простым повторением того пути, который довелось ему пройти на Западе. Мы можем сослаться на известную его работу «Наши разногласия», где сказано: «Очень и очень многие думают, что социальная революция может совершиться в России «теперь, или очень скоро, быть может, никогда», т. е. другими словами, или на основе наших современных экономических отношений, или на основе того строя, создание и упрочение

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7. М., 1956, стр. 263.

ние которого отходит в самую туманную даль. Но мы знаем уже, — и этому учит нас история той же Западной Европы, — что для капитализма труден был только первый шаг, и что его непрерывное движение от «Запада к Востоку» совершается с постоянно возрастающим ускорением. Не только развитие русского капитализма не может быть так же медленно, как было оно, например, в Англии, но и самое существование его не может иметь такой продолжительности, какая выпала на его долю в Западноевропейских странах. Наш капитализм отцветает, не успевши окончательно расцвести, за что ручается нам могучее влияние международных отношений. Но что дело подвигается, тем не менее, к его более или менее полному торжеству — в этом также невозможно сомневаться...». И далее: «Но это развитие может быть более или менее медленным, роды окажутся более или менее мучительными — в зависимости от комбинации всех общественных и международных отношений данной страны. Более или менее благоприятный для рабочего класса характер такой комбинации, в свою очередь, зависит от поведения людей, понявших смысл предстоящей их стране эволюции. Развитие капитализма в Германии застало рабочий класс на более высокой ступени развития, чем в Англии или во Франции, а потому и отпор капиталистической эксплуатации в этой стране был быстрее и решительнее. Немецкие коммунисты и не думали определяться на службу капитализму. Они знали, что более или менее близкая победа рабочего класса зависит, между прочим, от влияния на этот класс людей, понявших смысл исторического развития. Они деятельно взялись за пропаганду в рабочей среде, и успех превзошел все их ожидания. Почему бы нам нельзя было последовать их примеру?»²

Таким образом, выраженные здесь Плехановым идеи ясно свидетельствуют о том, что он считал недопустимым догматический подход к марксизму, и находил невозможным совершенные социальные перевороты по одному шаблону. Но если это так, то отсюда, стало быть, ясно, что и его расхождения с Лениным по существу оказались следствием той же плохой его осведомленности о положении вещей на родине, его слабого знания *готовности и решимости* русского пролетариата и крестьянства к решительным социальным преобразованиям именно на том уровне русского общественного развития. И это, собственно, и подчеркивается самим Лениным, который в своем выступлении на III съезде партии, касаясь этого вопроса, прямо отмечал: «... «Вперед» ставит вопрос на конкретную почву, учитывая реальные общественные силы, которые участвуют в России в борьбе за демократический переворот. Плеханов же ни одного слова не говорит о конкретных русских условиях. Весь багаж его ограничивается парой не к месту приводимых цитат»³

² Г. В. Плеханов. Соч., т. 2, стр. 337—338.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 10, стр. 133.

(курсив наш. — Р. К.). А если к тому же иметь в виду еще и то обстоятельство, что и само общественное развитие в рамках общего его направления является не однозначным, а многовариантным, что в нем многое зависит не только от тех случайностей, которые составляют более или менее адекватное воплощение необходимости, но и от тех, которые по отношению к данной необходимости составляют как раз нечто внешнее, постороннее, и потому, надо полагать, что и предлагаемый Лениным план перестройки общественной жизни в России (несмотря на то, что он оказался абсолютно реальным и наиболее целесообразным в смысле самой *возможности*) наверняка не был единственно возможным и, что при любом другом стечении обстоятельств (что также было вполне возможным) развитие России могло бы пойти и по пути, предполагаемому Плехановым, то станет понятным, почему и плехановская концепция, именно как концепция, несмотря на свою ложность именно в данном частном случае, не была абсолютно несовместима и с марксизмом, и с ленинизмом.

При этом мы должны исходить из того обстоятельства, что марксизм и в целом, и в своих составных частях составляет науку. Характерную же особенность науки как познания составляет именно диалектическое единство элементов и моментов истины и заблуждения. Поэтому понятно, что и марксизм, несмотря на общую свою правильность, справедливость, истинность, не может на пути к своим результатам полностью избежать ошибок и заблуждений. Что же касается меньшевизма Плеханова, то все сказанное как раз подтверждает тот факт, что он действительно является примером заблуждений в самом марксизме. И поэтому, касаясь всех расхождений Плеханова с Лениным, несмотря на принципиальную их несовместимость, к ним следует подходить как к спорам и расхождениям именно в рамках самого марксизма.

Такой же подход к вопросу, кроме восстановления самой исторической справедливости, нам принесет и ту научную и политическую пользу, что: 1. Он лишит наших идеологических противников возможности тенденциозного противопоставления Ленина Плеханову; 2. Будет способствовать преодолению и того чрезмерно преувеличенного противопоставления Плеханова Ленину, которое все-таки имеет хождение и в нашей литературе; 3. Он даст возможность вполне определенно говорить и о совершенных Плехановым ошибках, нисколько не умаляя исторические его заслуги; 4. Этим же самым будут созданы и реальные предпосылки для преодоления необоснованной тенденции обязательного противопоставления Ленина Плеханову, и, наконец, для выявления того, в чем они взаимно обогащали, дополняли и развивали друг друга. В качестве же примера мы можем сослаться на работы Ленина и Плеханова о Толстом, которые в подлинном своем значении могут предстать перед нами только

в этом плане их рассмотрения⁴. А что такая необходимость действительно назрела — это чувствуется буквально по всем вопросам теории и практики марксизма вообще, его исторического развития в России — в особенности.

Именно такой подход к анализу творческого наследия Плеханова привел нас к тому мнению, что если в недостатках эстетической теории Плеханова его меньшевизм и сыграл какую-то роль, то по своему значению она настолько ничтожна, что ею в данном случае свободно можно пренебречь. Ибо при определении недостатков эстетического наследия Плеханова на сегодня важны не меньшевизмом обусловленные изъяны и недостатки, важно выявление того, в какой мере его ошибки были обусловлены ограниченностью самой общественно-исторической практики и познания на той ступени их развития. Тем более, что Плеханов, даже на том уровне познания и практики, который позволял сделать правильные теоретические выводы, не смог преодолеть эти недостатки, и не смог именно потому, что все это возможно было сделать только на основе дальнейшего развития марксистской диалектики именно как логики и теории познания, а Плеханов, как отмечал Ленин, меньше всего занимался этими вопросами. Можно, конечно, полагать, что Плеханов не сделал всего этого потому, что не ставил перед собой такую задачу, считая те вопросы, которыми он был занят в тогдашних условиях, более важными. Но как бы там ни было, факт остается фактом, — не сделав этого, он не смог поднять диалектико-материалистическую теорию познания на новую ступень, с высоты которой ему только и следовало решать задачи и отвечать на потребности общественно-исторической практики и познания. И в том, надо полагать, — главный корень всех встречаемых у него недостатков, ошибок и заблуждений, в том числе и по вопросам искусства и эстетики. В этом убеждает нас и замечание Ленина, который, сохранив до конца своей жизни бережное отношение к памяти Георгия Валентиновича, высоко чтя величие его ума и проникновенность его творческого таланта⁵, в то же время отмечал: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля) и марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимание Плеханов, не говоря уже о других марксистах»⁶.

Значит, одна из главных отличительных особенностей Плеханова и Ленина как мыслителей-марксистов в том и заключается, что первый не ставил, а второй ставил анализируемые ими вопросы и проблемы в отмеченном тут аспекте исследования. А

⁴ Наши попытки подобного их рассмотрения см. в статье «К вопросу об оценке творчества Толстого Лениным и Плехановым» (Ученые записки Юго-Осетинского госпединститута, т. IX, серия гуманитарных наук, Цхинвали, 1966).

⁵ См.: Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича. Архив Дома Плеханова. В. 62. 21. Л. 2.

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 29, стр. 321.

отсюда для нас понятно и то, что Плеханов и вопросы искусства и эстетики мог решать в духе марксизма только на уровне, достигнутом Марксом и Энгельсом; и то, что, стало быть, только намеченный здесь нами путь исследования творческого наследия Плеханова создает все необходимые условия и предпосылки для определения действительного места и значения всей теоретической и практической деятельности этого замечательного борца и страдальца за народное счастье, человека, чей светлый образ вполне достоин вечного сохранения в сердцах и памяти благодарных его потомков.